

УДК 930.2 + 39

Л.И. Шерстова

**МЕНТАЛЬНОСТЬ И ЭТНОГЕНЕЗ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ**

Ставится проблема определения методологических подходов к соотношению этногенеза и ментальности. Этногенез рассматривается как момент окончательного оформления этноса, проявляющийся в сложившемся этническом самосознании, и как процесс развития этноса. Особое внимание уделяется «открытым этносам» со слабо выраженным этническим сознанием. Делается вывод о том, что ментальность таких этносов неустойчива и противоречива.

Ключевые слова: этногенез, ментальность, «открытый этнос».

Характерной чертой современной российской исторической науки является широкое использование различных методологических подходов, как присущих предыдущим этапам ее развития, так и сформулированных в рамках зарубежных научных направлений. При этом особый интерес у отечественных историков вызвала французская школа «Новой исторической науки», поскольку оказалось, что введенная ею в процесс исторического познания категория «ментальность» очень продуктивна для научных изысканий.

Изучение «общественных групп», т. е. исследование социальной структуры общества, безусловно, создает дифференцированную картину эмоционального мира людей, относящихся к разным субкультурам одной исторической эпохи. Но при этом нарушается целостность образа этноса, представления о нем как об изначальном универсальном феномене – форме бытия человечества в историческом времени и пространстве.

Сугубое научное внимание к социальным группам является следствием господства социологической парадигмы исследования в гуманитарных науках Франции. Совсем не случайно известный отечественный этнолог С.А. Токарев отмечал слабое развитие этнографии во Франции XX в., поскольку она была замещена социологией. Из этого совсем не следует, что не стоит изучать ментальность различных социальных групп в конкретные исторические периоды, тем более что исследования французских историков позволили глубоко и достоверно воссоздать внутренний мир, скажем, средневекового человека.

Стоит подчеркнуть, что человек является носителем не только исторически обусловленных ментальностей: **они непременно этничны**. Недаром наши выдающиеся историки Н.М. Костомаров, А.П. Щапов, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, Л.Н. Гумилев в той или иной степени считали предметом своих исследований «народ», «народный тип», «национальный организм», «этнос». Они изучали влияние «народного характера», «национальных традиций» на конкретные исторические события, подчеркивали реальные связи этногенеза русского народа с его историей, обращали внимание на особенности народных представлений, привычек и предрассудков русских людей. Легко заметить, что они фактически оперировали понятием «ментальность», терминологически ее не обозначая.

«Евразийцы», через «особое месторазвитие России» – Евразию – стремившиеся понять исторические пути народа и государства и изучавшие этнические компоненты русского этноса, выделили «психические облики» каждого из них и попытались определить все составляющие «русского национального характера», который и проявился в русской истории.

Обращение к проблеме этногенеза русских было необходимо «евразийцам» не только для того, чтобы уяснить «своеобразие психологического и этнографического облика» русского этноса, но и для объяснения истоков таких черт его ментальности, как отношение русских к власти и религии, их созерцательность и «неповоротливость теоретического мышления», неумение отделять свою веру от своего бытия и т. д.

Таким образом, «евразийцы» подошли к пониманию феномена ментальности через изучение русского этногенеза, через выделение в русском национальном характере иноэтнических психологических типов, которые существенно повлияли на ментальность русских и, следовательно, на их историю. По убеждению Н. Трубецкого, *истоки ментальности и ее специфика кроются в этногенезе конкретного народа.*

Однако в связи с этим возникает проблема определения сущности этногенеза как исторического явления. В отечественной этнологии бытуют две основные концепции этногенеза, которые рассматривают его в рамках примордиалистского подхода, ибо изучение этногенеза с позиций конструктивизма научно не продуктивно. В советский период отечественная этнография, исходя из определения категории «этнос», данного Ю.В. Бромлеем, понимала под этногенезом момент появления нового этнического сознания, в лучшем случае – частный процесс, завершающийся сложением «готового» этноса. Дальнейшее его существование протекает в русле этнической истории, и пока существует данный этнос, неизменными или мало изменившимися остаются его основные характеристики.

Такое понимание этногенеза неизбежно влечет за собой вывод о том, что сформировавшаяся в результате этого процесса ментальность также остается фактически неизменной с момента своего возникновения и до исчезновения данного этноса; она лишь корректируется ходом исторического развития.

Ментальность этноса, закреплённая в культурных и социальных институтах, психике, поведении, в восприятии окружающего мира становится своеобразным «крестом», который каждый народ должен нести, пока существует. Получается, что ментальность становится серьезным препятствием для социальных и политических трансформаций этносов, что находится в явном противоречии с общественной практикой.

Иное понимание сущности этногенеза демонстрируют работы Н.Я. Данилевского, поставившего вопрос об эволюции народов, отдельные этапы которой он исследовал на русском историческом материале. Он считал, что каждый народ переживает периоды молодости, зрелости и старости, внешне реализующиеся в «племенном», «государственном» и «цивилизационном» выражениях.

Взгляды Н.Я. Данилевского получили дальнейшее развитие в трудах Л.Н. Гумилева. В отличие от большинства советских этнографов и историков, Л.Н. Гумилев понимал под этногенезом не только начальную стадию

(тем более момент) этнической истории, а длительный процесс становления этноса, делящийся на четыре стадии: возникновения, подъема, упадка и исчезновения такового. Каждый эволюционный этап этногенеза он проиллюстрировал конкретными историческими примерами, пытаясь через данную фазу этногенеза – «возраст этноса» – объяснить поступки исторических личностей и саму историческую конкретику.

Разработанная Л.Н. Гумилевым теория этногенеза как «природного процесса» и «пассионарности молодого этноса» как источника исторического развития сразу же была подвергнута сомнению и оказалась под огнем серьезной критики, в ответ на которую автор часто не мог выдвинуть весомых аргументов. Между тем представляются важными сами проблемы, поставленные Л.Н. Гумилевым и решавшиеся им в рамках собственной концепции. Речь идет, во-первых, о большей сложности понятия и процесса «этногенеза» и, во-вторых, об изменчивости ментальности одного и того же этноса и о ее причинах.

Действительно, в исторической реальности разные этносы проходят через разные фазы всеобщего (*глобального*) процесса этногенеза *одновременно*. Иначе говоря, в каждый данный период этносы пребывают в различных состояниях (фазах) этого всечеловеческого процесса, и эти фазы определяются преобладанием в каждом данном случае того или иного вида этнических процессов (консолидация, ассимиляция, аккультурация, инкорпорация и пр.) или конкретного их сочетания.

Формирующееся *этническое сознание* и самосознание, закрепленное в общем этнониме, возникает не сразу, а *отражает определенное состояние* (фазу, степень) этногенеза, когда гетерогенная аморфная этническая общность на достаточно ограниченной территории, сообразующейся с ее численностью, постепенно обретает относительную гомогенность. «Перетекающий» из состояния в состояние этнос самими его членами воспринимается при этом как нечто *статичное*, стабильное, что фиксируется этническим сознанием и *проявляется в ментальных установках*.

Интенсивность и результативность этнических процессов определяются соотношением размера территории и численностью населения, втянутого в процесс конкретного этногенеза. Обширность потенциальной этнической территории и малочисленность ее населения являются фактором, сдерживающим тесные этнические контакты, что предполагает вялость, затянутость формирования общих этнографических характеристик. Консолидационные процессы ослабляются, если сложение нового этноса происходит на базе множества иноэтнических компонентов или субстратов. Их постоянное «впитывание» и постоянное же расширение территории, за которым не поспевает биологический рост этнопопуляции, приводят к этнографической и этнокультурной размытости и неопределенности складывающегося этноса. Столь же неопределенным оказывается «недооформленное» этническое самосознание. Оно четко не отражает свою специфику и, соответственно, резко не противопоставляет свой этнокультурный комплекс иноэтническим воздействиям. Такие этносы названы мною *«открытыми»*, поскольку они достаточно легко поддаются аккультурации и в то же время сами способны «отдавать» собственные этнокультурные феномены другим народам.

Будучи аморфной, как и этническое сознание, ментальность также была неопределенной, отличающейся сосуществованием различных стереотипов поведения и реакций на события, легко впитывающей любые, даже неожиданные, случайные взгляды и настроения. Поэтому в одну и ту же эпоху сознание русских содержало в себе прямо противоположные ментальности в некоем парадоксальном единстве, не замечаемом его носителями, но отразившемся в письменных источниках.

Следствием этого были совершенно противоположные реакции – действия, поступки, настроения – русских людей по отношению к идентичным явлениям, т. е. наличие одновременное существование **различных ментальностей у одного народа**.

Объяснение кроется в русском этногенезе. Русские, будучи «открытым этносом», сохраняли аморфное, иерархичное этническое сознание, отражением чего являлось большое количество этнографических групп, субэтносов и переходных этнических образований. Расселившись на огромной территории, группы русских оказались в различных природно-климатических условиях, на разнообразных этнических, культурных, конфессиональных границах. Все эти факторы так или иначе влияли на их образ жизни и менталитет, постоянно размывая незакончившуюся этническую консолидацию. Из-за этого «переходное», нечеткое состояние этнического сознания законсервировалось, а отношение к окружающему миру у различных русских субэтносов – казаков, поморов, старообрядцев, сибиряков, – их подразделений и региональных групп стало кардинально разниться, создавая не только этнокультурную, но и ментальную пестроту.

В результате расплывчатое этническое сознание русского этноса, пребывающего в состоянии «перманентной вялотекущей этноконсолидации», оказалось неспособным категорически отвергать «не свое», несмотря на ряд **«базовых» ментальных установок**, сформировавшихся в **начальной стадии русского этногенеза** – отчасти не без влияния государства и государственного православия. Следствием сложности этногенеза русских и противоречивости их этнической истории стало отсутствие у них «монолитной» ментальности, **всегда** подсознательно довлеющей над каждым человеком. Тем не менее, несмотря на иерархичность, «переходность» русского этнического сознания, оно содержит в себе ощущение принадлежности к единому языку, развитой общей культуре, православному христианству, т. е. русскому этносу, со своим местом во всемирной истории. Так что все же правомерно говорить о **единой в своей сложности русской ментальности, определяемой этническим состоянием народа и затянувшейся фазой этногенеза**. Еще раз подчеркну: это ментальность, в которой сосуществуют диаметрально противоположные, отрицающие друг друга представления, настроения, виды поведения и т. п. В нее – неустойчивую и крайне восприимчивую к «чужому» – могут быть «втянуты» самые невероятные образы, и она, не отторгая их, может породить в индивидуальном и коллективном сознании ее носителей несколько вариантов картины мира и поведения в нем – в зависимости от **динамики этнических процессов** (стадии этногенеза) и **конкретной исторической обстановки** или даже случайной конъюнктуры.